

ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ. В. П. БРЮХАНОВ СО СВОИМИ БЫВШИМИ КОЛЛЕГАМИ.

Время иллюзий и надежд

В газете «Правда» опубликован одноименный материал Владимира Губарева с подзаголовком «Президент концерна «Росэнергоатом» Эрик Поздышев о прошлом, настоящем и будущем атомной энергетики».

Э. Поздышев был назначен директором Чернобыльской АЭС 1986 года и ушел оттуда тогда, когда выполнял свой долг. Нынче он возглавляет концерн «Росэнергоатом».

Печатаем в «Импulse» ту часть интервью, которая касается непосредственно нашей атомной...

— Одно из светлых воспоминаний в Чернобыле, не буду скрывать, это встреча с вами. Что для вас Чернобыль?

— Очень трудный вопрос. Чернобыль — прежде всего трагедия и для специалиста, и для человечества. И, естественно, для меня. Но с другой стороны, Чернобыль был и школой, жестокой и безжалостной проверкой всех нас. Это ведь настоящая война, во время которой приобретался опыт действий в чрезвычайных ситуациях, которые могут возникнуть на Земле. Причем совсем не обязательно в связи с атомной энергией. Испытания Чернобылем показали возможности русского человека... Сейчас на Западе все отчетливее понимают, что только в России возможно было столь эффективно бороться с катастрофой, вряд ли это было возможно в других государствах. Под словом «Россия» я, естественно, подразумеваю и Украину, и Беларусь, и другие республики, которые в 86-м составляли единое государство. Конечно, не дай Бог, чтобы нечто подобное где-то на планете повторилось, но тем не менее опыт ликвидации такого рода катастроф у нас есть.

Сейчас на Западе да и на Украине распространено мнение, что кто-то может решить проблему «саркофага» — а она постепенно назревает. Но у меня глубокое сомнение. Я собственными глазами видел, как создавался «саркофаг», сколько это стоило труда, и повторить нечто подобное — не из жесткой необходимости, а ради какой-то идеи — мне кажется, в высшей мере несерьезно. Так

могут рассуждать только дилетанты, весьма смутно представляющие реалию ситуации аварии такого масштаба.

— Ваше мнение, безусловно, самое авторитетное. Ведь с мая 86-го и до вашего отъезда через год произошло, по сути дела, все самое главное!

— Я работал почти год. Через меня прошло создание коллектива Чернобыльской станции, мобилизация его для работы, решение всех социальных вопросов, расселение людей... Шестнадцать тысяч человек работали на станции до аварии, а у нас было всего 1400, именно тот костяк, с которого вновь начиналась станция. Пять тысяч человек надо было трудоустроить, обеспечить работой, по всей стране их найти... Конечно, в этом отношении мне помогали все... Когда я приехал, на каждом блоке работали оперативные бригады, всего по 15 человек. Они только дежурили, ничего другого они уже не могли делать... Так что приходилось все начинать сначала...

— Помню, вы повесили написанное от руки объявление: «Здесь работает директор»...

— И люди сразу же потянулись. Раз есть директор, то и станция действует... Конечно же, это было необычайно трудное, но незабываемое время.

— О вас шла слава как о жестком человеке.

— Так могло казаться со стороны. Потому что прежде, чем принять решение, я обычно советуюсь со своими ближайшими помощниками, коллегами. Это обязательное условие. Но если мою идею поддерживают, то дальше это подлечит жесткому исполне-

нию. Просто «Я — начальник, ты — исполнитель!» — такого нет и не было.

— А сейчас вам не обидно, что закрывают Чернобыльскую АЭС?

— Это дело чисто Украины. Высказываться и делать какие-то рекомендации, мне кажется, незачем. Чернобыль — трагедия... Может быть, станцию и не надо закрывать, но чувства народа надо уважать. Я понимаю, что на Чернобыльской АЭС приняты все меры безопасности, что она еще может послужить на благо Украины, давая энергию, свет и тепло, но при слове «Чернобыль» возникают у всех совсем другие эмоции, ощущения. И, возможно, закрытие станции изменит психологическую обстановку на Украине.

— Понятие «чернобылец» не имеет отношения ни к Украине, ни к Беларуси, ни к России, то есть нельзя говорить о национальной принадлежности. «Чернобылец» — это уже психология и философия, если хотите, даже особая каста людей. А потому идти на нынешнем уровне игры политиков чернобыльцы не имеют права. Мы должны честно предупредить, что именно идет. Я против того, чтобы закрывали Чернобыльскую АЭС, так как знаю, что уедут специалисты, а потому тот же «саркофаг» станет более опасным, и средств будет не хватать, и в пострадавших районах ситуация резко ухудшится... Сейчас хоть станция зарабатывает деньги для себя и на помощь пострадавшим, а закрытие АЭС автоматически требует многих миллиардов рублей или карбованцев. Где же их взять?.. Надо честно предупредить людей, что через пять — десять лет, а они пройдут быстро, безопасность вокруг Чернобыльской АЭС снизится, более того, она станет намного опаснее, чем сегодня. Разве не так?

— Нужна специальная программа. Я не хочу раскрывать всех аспектов этой проблемы — просто, чтобы излишне не пугать

людей, но вы правы — такая опасность существует... Моральная атмосфера вокруг работников АЭС очень сложная. Стоит появиться в Киеве и сказать, что работаю на станции, как сразу чувствуешь неприязнь. Я на себе это, к сожалению, испытал. Очень трудно потом работать, хочется куда-то уехать. В любом случае отток квалифицированных специалистов будет — этого уже не избежать. Может быть, потому следует закрыть АЭС... В общем, однозначных ответов и решений нет... А вместо Чернобыльской станции надо ввести три готовых блока на других АЭС. Это позволит компенсировать потерю энергии в Чернобыле.

— Эрик Николаевич, какой вы все-таки видите атомную энергетику через 30, 50 лет?

— Если проанализировать опыт развития техники, прогресс человеческой цивилизации, то, хотим мы этого или нет, становится ясным, что без атомной энергетики мы не обойдемся. Появятся современные блоки, которые будут обладать внутренней безопасностью, причем достаточно простые и надежные. Они будут строиться рядом с крупными промышленными центрами, где в основном потребляется энергия. Все это технически достижимо, реально, все это заложено в наших новых проектах, которые не уступают зарубежным. Такие проекты существуют, но нет средств, чтобы запустить их в работу...

Мы, атомщики, понимаем свою ответственность и за прошлое, и за сегодняшний день и делаем все возможное, чтобы Чернобыль никогда не повторился. Для нас — безопасность АЭС на первом месте, и люди должны это знать. Но мы нуждаемся в помощи, прежде всего в уважительном отношении к нашей работе, в нормальной психологической обстановке вокруг станций, наконец, мы не хотели бы ни участвовать, ни быть предметом всевозможных политических игр...